

Владимир Владимирович, договариваясь о встрече с вами, я намеревалась предложить вам поговорить о взаимоотношениях общества, власти и средств информации в целом, нарочно не упоминая конкретные имена и названия каналов. Но после событий последних дней это уже вряд ли возможно...

— То, что произошло с НТВ, конечно же, не случайность, но я не вижу оснований (по крайней мере пока!) переносить это на СМИ в целом. Вокруг НТВ шла совершенно определенная война. Она связана с ошибочными расчетами Гусинского. Насколько мне известно из самых разных и авторитетных для меня источников, война эта началась со встреч Гусинского с Путиным, когда тот еще не был президентом. Первая, если я не ошибаюсь, состоялась в августе или в сентябре 99-го, а вторая — в декабре. Было сказано что-то типа: или вы будете нас поддерживать, или вы не станете президентом. Но Гусинский не понял, с кем имеет дело. И началась война. Давайте не будем забывать, что деньги, которые выдавались в качестве кредитов, были политическими. «Газпрому» было абсолютно невыгодно давать эти деньги, но он давал их под давлением Черномырдина, который, в свою очередь, делал это под давлением Ельцина. Но если бы частная компания и берет деньги у государства, то должны понимать, что вам придется на это государство работать. Гусинский сам подставил собственную компанию.

— Позвольте некорректный вопрос. Окажись вы на месте журналистов НТВ в ту субботу, что вы бы делали?

— Если быть абсолютно честным, я не знаю! Я могу только предполагать, что я бы все-таки ушел, потому что другая сторона мне отвратительна. Я бы ушел. Но это не значит, что я бы пошел за Киселевым на ТВ-6. Более того — не пошел бы. То, что происходит сегодня с ТВ-6, можно назвать «Иордан, вторая серия», но в худшем варианте: ведь с НТВ по сути дела никого не вынуждали уйти — в отличие от ТВ-6.

— А если бы оказались в роли Киселева на улице с коллективом, который за вами пошел?

— Коллектив не пошел за Киселевым, коллектив пошел против Иордана.

— Но Киселев ответствен за тех, кто ушел.

— Нет, Киселев отвечал, только пока он был гендиректором НТВ. Я не сидел в мозгу Евгения Алексеевича, но у меня ощущение, что он сделал для габели компании не меньше, чем Гусинский. Компания могла и не погибнуть. Для этого нужно было идти на некоторые компромиссы. Коль скоро ты взял деньги, тем более у государства, ты уже пошел на компромисс. Понимая это, можно было что-то сделать для спасения компании. Например, Гусинский мог от нее отказаться. Он человек весьма богатый.

— Но при этом НТВ пришлось бы поменять свое направление.

— Вы говорите «свое направление»... Последний год у меня не было ощущения, что НТВ — эталон объективной журналистики. НТВ проводило именно политику Гусинского. Точно так же, как в свое время ОРТ проводило политику Березовского. Никакой разницы нет.

— Но так или иначе это было единственное оппозирующее власти электронное СМИ.

— А где в мире есть оппозирующее телевидение? Нигде! В Америке телевидение могло быть оппозирующим в какие-то определенные моменты, но не в целом. Например, телевидение оппозировало во время вьетнамской войны, из чего властями был сделан вывод, и во время «Бури в пустыне» прессу уже куда не допускали. Но сказать, что ABC, CBS, CNN или NBC — это оппозирующее ТВ, невозможно в принципе. Это стран-

ная идея, что должен быть канал, принципиально оппозирующий властям. Отдельный журналист — да, каждый журналист по сути своей профессии оппозирует власти. Он понимает, что власть постарается невыгодную для себя информацию не сообщить. А он, журналист, должен ее сообщить. Но только сообщить, а не толковать! Есть большая разница между тем, чтобы выдавать информацию, и тем, чтобы сразу же ее комментировать, что НТВ делало постоянно.

— А ОРТ, РТР не делают?

— Конечно, делают, только с другим знаком, а в остальном — никакой разницы. Меня недавно попросили поговорить в эфире о том, что американцы вышли из киотского соглашения. Давайте, говорю, только дадим и американскую точку зрения. Согласились, но не сразу.

Владимир ПОЗНЕР:

ВСЕ ПОНЯЛИ, ЧТО НАДО СИДЕТЬ И НЕ ЧИРИКАТЬ!

Президент Академии Российского телевидения считает все происшедшее с НТВ сигналом для региональных властей

А ведь штука-то очевидная: как же можно критиковать кого-то или что-то, не выслушав соображения и аргументы этой стороны? У нас же каналы и газеты представляют одну точку зрения и тут же комментируют, не давая возможности зрителям и читателям судить о двух точках зрения. Понятие свободы слова в нашей стране странно исполняется.

— Но даже вам, Владимир Владимирович, хотя вы признаете, что находитесь на ОРТ в несколько привилегированном положении, в программе, посвященной НТВ, посадили цензора в лице Александра Любимова.

— Во-первых, привилегированность моего положения сводится к тому, что я там не служу, у меня нет там ни кабинета, ни секретаря, ни служебной машины, не ОРТ платит мне зарплату. Во-вторых, какой же Любимов цензор, когда я говорил все, что хотел. Любимов сказал одно, я с ним не согласился, какой же он, к черту, цензор! Вот если бы из программы что-то вырезали, тогда можно было бы говорить о цензуре. Цензор — это тот, кто не дает тебе возможности высказаться. Я знаю, что такое цензура, я при ней жил.

— Делая «Времена», вы сталкивались с каким-то ограничением вашей свободы?

— Пока нет. Но я действительно в исключительном положении, я это признаю. Я всегда говорил о том, что независимое — это категория внутренняя. Но когда ты при всей своей внутренней независимости думаешь, что ты еще и в ответе за других людей, за свою семью, здесь возникают непростые моменты. Поэтому твое экономическое положение имеет отношение к реализации независимости. Я за свою жизнь заработал какую-то сумму денег, говорю об этом, не стесняясь, и это помогает мне быть независимым. Конечно, будет жалко, если я потеряю эту работу, я ее очень люблю, и мне кажется, работаю бесполезно. Но меня

не страшит такая перспектива. Я не пропаду. Но пока я не испытываю никакого давления. И не было темы, которую я бы хотел поднять, и не было гостя, которого я хотел бы пригласить, а мне бы сказали «не надо».

— Но, насколько я знаю, во время ваших эфиров и Эрнст, и Любимов сидят в аппаратной.

— Они считают, что «Времена» — это главная информационная передача ОРТ (я ее, правда, так не расцениваю), поэтому приходят и внимательно смотрят. Кстати, когда Светлана Сорокина вела на НТВ «Глас народа», то в аппаратной был Евгений Киселев, а когда вел эту программу Киселев, в аппаратной был Добродеев. — Почему никто не намекал на то, что это цензура? А потому, что это нормальная работа, к цензуре она не имеет отношения.

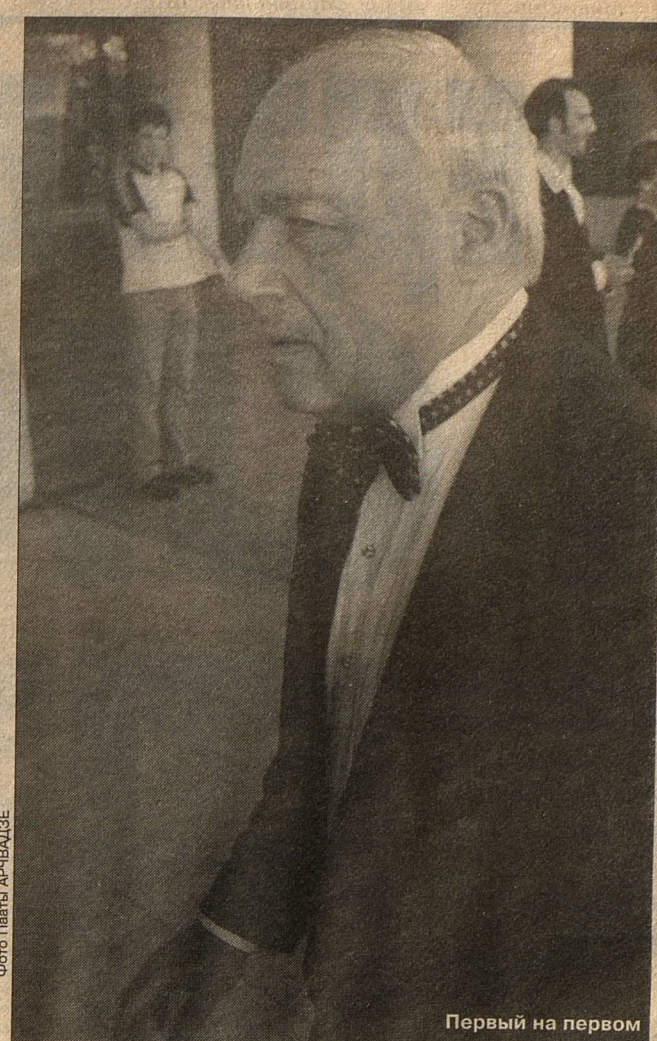
канал. При Тернере все будет выстроено, спокойно, объективно. Никаких тебе «Кукол», никакого «Итого» — это вы забудете.

— Вы осуждаете приход Киселева и его людей на ТВ-6. Но что ж им было делать?

— Наниматься. И понять, что команды уже не будет. Да, у них была уникальная ситуация канала, выстроенного на пустом месте, так же, как когда-то Уильямом Пейли с нуля создавался CBS. Это особое дело. НТВ создавалось лучшими, которые пришли на волне свободы. Тогда пришли единомышленники, умелые и в какой-то степени идеалисты, что и требовалось в тот момент. Но так бывает только вначале, во всяком случае не может продолжаться вечно. Потом возникает проклятая корпоративность. Когда мне Женья Киселев много раз говорил: «У нас тут военная дисциплина»...

— Это и Добродеев в энтузиастические времена говорил.

Фото Павла АРЧАДЗЕ

Первый на первом

— Мы не совсем верно понимаем понятие «профессионализм» применительно к журналистике как сумму технических приемов. Габриэль Гарсиа Маркес, который себя называет журналистом, замечательно писал в маленьком эссе, что его спрашивают о соотношении этики и профессионализма в журналистике, тогда как попытка разделить эти два понятия — все равно что пытаться отделить жужжание от мухи, то есть журналистика без этики — непрофессиональна. Исходя из этого принципа, у нас непрофессиональная журналистика. А что касается журналистских приемов, то при наличии определенных способностей этому можно научить.

— Вы учились здесь или в Америке?

— Я учился этому вообще. Интуитивно, и осознанно. Когда я вешал на Запад по волнам московского радио и, конечно же, говорил полуправду, я часто думал над тем, можно ли ради какой-то большой цели недоговаривать и пытаться найти оправдание тому, чему оправдания нет. И пришел к выводу, что нельзя. К этому ответу я шел довольно долго и нагрелся на этом пути. Но когда я понял, что нельзя, с этого момента я стал работать по-другому. Сказал себе, что никогда не буду служить, не буду членом никакой партии, никогда не буду проводить никакой государственной политики.

— Многих удивило, как, давая абсолютно корректные вопросы, вы выставили тех же Иордана или Кулистика полными дураками.

— Я никого не приглашаю специально для того, чтобы, как это принято теперь говорить, «мочить». Я приглашаю для того, чтобы зритель понял, с кем он имеет дело. Я встречался и с Кохом, и с Иорданом, и с Кулистым, и у меня сложилось представление о каждом из них. Но важно было, чтобы зритель тоже понял, кто они. Ведь что такое Кох? Он явно неглупый человек, умеет держать удар, его не сбить с панталыку. И не надо сбивать. Надо дать ему говорить. Остальное он скажет сам. Главное, что мы не умеем делать в интервью, — мы не умеем слушать. Когда я вспоминаю, как слушает Фил Донахью, я представляю человека, который кормит маленького ребенка и всем своим существом повторяет движения ребенка. Донахью слушает так, что губами повторяет слова собеседника. Когда я в 1986 году

впервые попал к нему в передачу, он, слушая, что я говорил, услышал то, что я прятал в себе. И он меня выставил полным дураком. За что я ему очень благодарен!

— ?!

— Он помог мне преодолеть свои комплексы. Донахью говорит: «Вы — еврей!», а мой папа всегда говорил: «Какой же я еврей, я русский интеллигент!» И я резко ответил, что мать у меня французка, католичка, поэтому по догме я не могу считаться евреем. «А у вас была бармица?», — спросил Донахью, и я резко сказал: «Нет!».

— А что такое бармица?

— Ритуал у евреев. Считается, что мальчик в 13 лет становится мужчиной, и этому посвящен обряд. Тогда я этого не знал. Фил посмотрел на меня задумчиво и сказал: «Владимир, вы это говорите с некоторым энтузиазмом». И тут я понял, что я просто полный идиот!

— Вас не пугает, что после разговора с вами у ваших собеседников могут быть такие же ощущения?

— Но мне же это пошло на пользу! Сделает ли человек выводы, зависит от него. Соглашаясь прийти в программу, он понимает, что мы будем говорить не о погоде. У меня есть долг — не перед собеседником, не перед Константином Львовичем и Александром Михайловичем, не перед Березовским, когда тот владел акциями ОРТ, а перед зрителем. И только! Я хочу, чтобы собеседник ответил на некоторые вопросы. Я понимаю, что он не ответит, если я буду задавать вопросы прямо. Тогда я задаю вопрос грубо, враждебно, прямолинейно, «криво», так что либо мой собеседник ответит, либо все поймут, что он хочет скрыть.

— Вы довольны своей новой программой «Времена»?

— Мне очень нравится формат. Конечно, что-то будет меняться. Я сторонник того, чтобы брать главную тему и как следует ее обговаривать, а не гнаться за количеством. Хочется больше говорить с аудиторией, на это обычно не хватает времени. Большая проблема — сюжеты: на ОРТ, к сожалению, нет журналистов, умеющих делать сюжеты на уровне «Итогов». Но в целом я страшно доволен. Впервые у меня есть команда, которая работает только на эту программу. И они делают все для того, чтобы я мог делать то, что могу я.

Познер Владимир

25.4.01.